

— Хочу сходить в храм на окраине города, — Ци Чжэн не чувствовал неловкости, ведь они уже вместе сталкивались с необъяснимыми явлениями. Его брови слегка нахмурились, на лбу залегли едва уловимые тревожные тени, которые, казалось, никак не хотели исчезать. — В последнее время постоянно натываюсь на что-то нечистое, чувствую, что удача отвернулась. — Наиболее явно это проявлялось в том, что все дома, которые он просматривал в последние дни, буквально излучали несчастье. Количество плохих вариантов, которые он видел за этот месяц, превысило все предыдущие.

Цао Цзинсин кивнул и спросил:

— Это храм за Пещерой Чэнхуан?

Ци Чжэн удивился, моргнул и ответил:

— Да.

— Как совпало, я тоже как раз собирался туда. Может, пойдем вместе? — с радостью произнес Цао Цзинсин, на лице его играла улыбка.

Услышав это, Ци Чжэн не стал сомневаться, кивнул и, взглянув на него, сказал:

— Ладно, только я уже собираюсь выходить. А ты?

Цао Цзинсин быстро поднял огромный черный рюкзак, который все это время лежал на полу, даже не проверив его содержимое, и, стоя у двери, глядя на Ци Чжэна, сказал:

— Готов, пошли.

Ци Чжэн уже привык к такой решительности Цао Цзинсина, поэтому не удивился, кивнул, и они сели на автобус, направлявшийся в пригород.

Видимо, из-за рабочего дня и того, что они не попали в час пик, автобус, на котором ехали Цао Цзинсин и Ци Чжэн, был почти пуст. Даже кондуктора не было, водитель выполнял обе функции, и за проезд брали два юаня, рассчитывая на сознательность пассажиров.

За окном мелькали пейзажи, Цао Цзинсин слегка повернулся, наблюдая, как солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, скользят по профилю Ци Чжэна. Он тихо улыбнулся, в сердце внезапно разлилось тепло, и в голове промелькнула мысль: если бы время могло остановиться в этот момент, это было бы прекрасно. Спокойствие, гармония, без суеты и борьбы. Даже если кто-то никогда не вспомнит о нем, это не важно, главное, чтобы никто другой не пытался завладеть им.

Ци Чжэн, сидя в автобусе, краем глаза заметил странное выражение на лице Цао Цзинсина. В душе возникло непонятное чувство недоумения: когда он научился так хорошо читать мысли Цао Цзинсина? Он слегка толкнул его локтем, чтобы завязать разговор:

— Что думаешь насчет истории с Дуань Коучжи?

Едва Ци Чжэн закончил говорить, Цао Цзинсин, казалось, слегка раздраженно вздрогнул, его расслабленное выражение лица мгновенно стало холодным, в голосе появилась отстраненность:

— Ничего особенного. Полиция разбирается, уверен, они найдут правду.

На лице Ци Чжэна, обычно слегка дерзком, появилась тревога, он тихо сказал:

— Мне кажется, эта история слишком запутанная, и Сьюэ тоже втянута... — Он вдруг замолчал, желая сохранить достоинство своей девушки. Пока правда не раскрыта, он не хотел, чтобы его друг думал о ней плохо.

Однако эти недоговоренные слова и выражение лица Ци Чжэна в глазах Цао Цзинсина выглядели иначе. В его глазах загорелся подавленный огонь ревности, давно скрываемое чувство собственности, подогретое этой таинственной сценой, готово было вырваться наружу. Сколько раз он смотрел на Ци Чжэна с холодным взглядом, впиваясь ногтями в ладони, но все же старался говорить спокойно:

— Что с Лян Сьюэ?

— Ничего особенного, просто она, кажется, многое от меня скрывает. — Ци Чжэн выглядел растерянным, столкнувшись с трудностями в любви, даже такой крепкий парень стал сентиментальным. Видимо, он не хотел продолжать эту тему.

— У вас же всегда были хорошие отношения, что-то пошло не так? — в голосе Цао Цзинсина прозвучал сдержанный сарказм.

Однако Ци Чжэн, погруженный в свои мысли, не заметил этого и с легким пренебрежением ответил:

— Какие уж там хорошие. Да и я не знаю, хочет ли она продолжать вообще.

— Почему? — снова спросил Цао Цзинсин, явно заинтересованный.

Ци Чжэн, не задумываясь, ответил:

— Она не знает о болезни моего отца. Если узнает, возможно, бросит меня. — Ведь уремия — это бездонная яма, которую можно заполнить только деньгами. Если в семье есть больной уремией, это все равно что отдать все сбережения больнице. Родственники Лян Сьюэ вряд ли позволят ей выйти замуж за такого безнадежного парня.

— А, — Цао Цзинсин слегка смягчил выражение лица и спокойно сказал:

— Наверняка найдутся те, кто не будет это осуждать.

Ци Чжэн усмехнулся и с сарказмом ответил:

— В нашем обществе кто настолько бескорыстен?

— Конечно, есть, — твердо ответил Цао Цзинсин, затем, не меняя выражения лица, добавил:

— Например, я. — Сказал он легко, словно шутя.

Ци Чжэн невольно замер, внезапно вспомнив тот неловкий поцелуй Цао Цзинсина. Сердце его заколотилось, и он, стараясь шуткой снять напряжение, быстро сказал:

— Ну, тогда, если я останусь без еды, буду к тебе приставать.

Цао Цзинсин смягчил выражение лица, довольный словами Ци Чжэна, и, отбросив все обиды, серьезно ответил:

— Ладно.

Ци Чжэн посмотрел на него с насмешкой:

— Да брось, ты что, шутишь?

Цао Цзинсин нахмурился, мысленно возражая, но не сказал ничего. Если бы он заговорил, Ци Чжэн, вероятно, завтра же сбежал бы от него. При этой мысли в душе Цао Цзинсина появилась нотка грусти и безнадежности. Почему он должен быть так осторожен, чтобы просто оставаться рядом с тем, кто должен принадлежать ему?

Эта грусть, казалось, почувствовалась даже Ци Чжэну. Он удивился этому странному чувству. Цао Цзинсин был непохож на других его друзей. Хотя они знакомы всего полгода, между ними странным образом сложилось множество необъяснимых совпадений. Почти во всем, что бы Ци Чжэн ни задумал, Цао Цзинсин, казалось, заранее понимал его и делал все идеально. И, может быть, это было его воображение, но Ци Чжэн всегда чувствовал, что Цао Цзинсин — загадочный человек, немного отстраненный и непонятный.

Между ними повисла тишина, наполненная неловкостью. Ци Чжэн долго думал, прежде чем неуклюже начать разговор:

— Ты после магистратуры будешь продолжать учиться в докторантуре?

— А ты будешь поступать в магистратуру? — спокойно спросил Цао Цзинсин.

Ци Чжэн, не раздумывая, ответил:

— В моем положении куда уж там. Моя семья рассчитывает на меня как на опору.

Цао Цзинсин ответил:

— Я тоже не буду продолжать, закончу магистратуру и все.

— А ты останешься здесь? — с любопытством спросил Ци Чжэн.

— Где? В Китае? Или в городе X? — взглянул на него Цао Цзинсин.

Ци Чжэн задумался, забыв, что Цао Цзинсин — «возвращенец» с блестящим статусом.

— А, точно, твои родители за границей. Ну, за границей лучше, зарплаты, условия жизни — кто ж тут останется, если можно уехать?

Цао Цзинсин слегка нахмурился, улыбнулся и сказал:

— Ты уже все за меня решил. Я разве говорил, что уеду? Не забывай, я вернулся из-за границы. Я не уеду, если только кто-то другой не захочет уехать.

— Скоро каникулы, есть планы? — спросил Цао Цзинсин.

Ци Чжэн уже думал об этом. Они учились на третьем курсе, через полгода должны были отправиться на практику. Университет предоставил возможность стажировки для студентов строительного факультета, и Ци Чжэн подал заявку, но пока не знал результата.

— Возможно, останусь здесь на практике. Жаль, что в общежитии на каникулах жить нельзя, придется что-то придумать.

— На стройке? Можешь жить у меня, поделим коммуналку, — предложил Цао Цзинсин.

Ци Чжэн заинтересовался, ведь от дома Цао Цзинсина до автобусной остановки рукой подать.

— Ты сам не поедешь домой?

— Нет, у нас в семье не принято собираться вместе. На Новый год просто звоним друг другу, а потом разъезжаемся по разным местам, даже на праздник редко видимся, — спокойно сказал Цао Цзинсин, в голосе его звучала легкая грусть.

— Почему бы вам не поехать вместе? — удивился Ци Чжэн. Он впервые слышал, чтобы китайцы не собирались на Новый год. У них, видимо, совсем плохие отношения.

<http://bllate.org/book/15406/1361910>